

Это история моего прадеда, которую рассказывала моя бабушка.

Еще до Первой Мировой войны, когда деду Андрею было 15 лет, ему пришлось выступать со своей музыкальной школой в Румынии. Он играл на домре. После выступления у коллектива оставалось достаточно времени, чтобы побродить по залам, в которых занимались музыкой. Заглянув в один из них, Андрея невероятно привлек старый маленький клавесин, за которым играл мальчик того же возраста. Он немного постоял в дверях, а потом тихо зашел, достал свою домру и мягко подхватил клавишника. Композиция была ему знакома - Моцарт, «Ночная Серенада». Мальчик, не останавливаясь, перешел на вторую партию фортепиано. Дуэт был нелепый, ведь эта музыка для фортепиано и скрипки, но кислотоватый звук клавесина и таинственная трель домры через мгновение слились в одно целое.

Через несколько минут музыкантов остановила яркая вспышка фотоаппарата. Около двери собралось не мало любопытных, прибежавших на звук такого уникального созвучия. Только лишь благодаря этой фотографии бабушка смогла рассказать мне о встрече людей, о которых и пойдет дальше история. Когда все рассосались, Андрей решил заговорить с незнакомцем. Много слов говорить не пришлось - мальчик оказался немцем. И только тогда дедушка понял, что как же он счастлив, что ему пришлось учить в школе этот «гавкающий», как он его всегда называл, немецкий язык! Хоть и немного ломано, но разговор двух музыкантов удался. Все оставшееся время в Румынии они провели вместе. Дедушка рассказывал о своей стране, о семье, а Аццо (так звали немца), рассказывал о своей жизни. С каким желанием парни приглашали друг друга в гости, Андрей обещал показать ему картинные галереи Ленинграда (семья жила там), а Аццо обещал покатать на настоящем папином Мерседесе.

Вплоть до Первой Мировой они общались письмами, хранили черные, непонятные на то время фотографии, сделанные еще при первой встрече коллективами музыкантов. И даже приходилось пару раз встречаться на подобных выступлениях. Они были неразлучными друзьями, были как братья.

После начала войны связь прервалась. Около тридцати лет дедушка пытался восстановить связь с немцем, его не останавливала ни война, ни принципы. Я всегда поражаюсь мужской дружбе, иногда она необъяснима,

но ужасно сильна. Только после начала Великой Отечественной войны он похоронил и оплакнул Аццо. Последнее, что он о нем узнал - это то, что есть музыкант с точно такими же именем и фамилией, как и у старого друга, и какой-то номер армии. Андрей не думал, что Аццо еще мог остаться в живых.

Осень, 1941 год. Дедушка находился в Ленинграде, где провел всю блокаду. Благодаря своему каллиграфическому почерку и виртуозному владению домрой, он не умер с голоду, как его семья (двух детей - мою бабушку и ее брата, удалось эвакуировать еще при первой эвакуации). Андрея пристроили на небольшое время в штаб, и еды он получал в два раза больше нормы рабочих. К сожалению, тем самым его на время разлучили с домом. На его глазах умерла его девушка: ее размозжило гранатой в момент бомбежки. Маленькое детское тело не успело разложиться в мороз, и годовалым племянником удалось накормить около десяти человек. У остальных, как и у сотен тысяч жителей, по дороге домой посинело лицо, медленно выкатились глаза, а когда присели на лавочку отдохнуть и укрыться покрепче черными от обморожения и каменными от слабости пальцами, медленно умерли, замороженные и уже похороненные снегом.

Дедушка был очень чувственным человеком, но каким-то необычным образом он умел это скрыть. И когда на его лице отсутствовали какие-либо эмоции - все понимали, что внутри него сейчас находится страшная и зверская боль.

Январь, 1942 год. Как и все истощенные голодом и ужасом солдаты, дедушка бился за Ленинград. Противника было много, их - мало. Ленинградский фронт почти не находил сил биться с врагом, они ели все, что попадалось под руку. Дедушка не был в самом центре боя. На тот момент они бились небольшими группами. Он, как и остальные солдаты, побежал на врага под обстрел. Добежав до середины поля боя, чудом получив лишь одно ранение в руку (задело лучевой нерв), из небольшого окопа в него вцепился немец и затащил в яму. Когда дедушка вскочил на ноги, он увидел перед собой немца, протягивающего Андрею его удостоверение. Что может быть страшнее потерять удостоверение? «Это случайно не ваш паспорт?» - с акцентом спросил солдат. Они оба сидели и просто молчали, обыскивая друг-друга глазами. Он не мог поверить, что они снова встретятся. Но больше всего ему не хотелось верить, что это случится именно так. Дедушка слышал очереди автоматов, слышал дерзкие крики немцев где-то там, на поле. Он видел перед собой этот серый немецкий вражеский мундир на своем

товарище детства. Он не мог сразу свести концы с концами и прийти к общему выводу, Андрей никогда не думал о том, что на его друге может быть одета форма солдата Третьего рейха. Дедушка вспоминал все переписки, все эти встречи на концертах. И вывод его был однозначен: пепельный бушлат и черная каска, съехавшая на простреленный лоб Аццо, никогда не закроет лица его лучшего друга и (он никогда не боялся говорить этого слова), товарища. Андрей улыбнулся, и вытянул свои документы из дрожащей руки друга. Немец хватал воздух полной грудью, изредка закатывая глаза. Его руки тряслись, а улыбнуться в ответ так и не получилось. Несколько минут они сидели в тишине выстрелов и криков где-то вдалеке. В нескольких метрах от них сидели изнеможенные советские партизаны и слизывали с карманов последние крошки еды. Андрей подвинулся к Аццо и, посидев рядом минуту, насладившись и вкусив всю радость последнего мгновения встречи рядом со своим другом, положил руку ему на шею и начал крепко давить.

Бабушка мне рассказывала, с каким ужасом дед Андрей передавал те минуты встречи, минуты удушения своего друга. Он говорил, что ничего ужаснее и страшнее в жизни не видел, чем своими руками...

Я не могу представить, что происходило внутри его, что он чувствовал в этот момент, и всю оставшуюся жизнь. Он откинулся назад и думал о чем-то своем. Возможно, он вспоминал время до этой вонючей войны, или мечтал о том будущем, которое теперь точно не настанет. Придя в себя, он слышал затишье, видел партизан, зачем-то куда-то несущих оторванный кусок Аццо. На его лице не было никаких эмоций.